

Pospíšil, Ivo

Об одном сквозном мотиве русской поэзии

Новая русистика. 2008, vol. 1, iss. 2, pp. 76-78

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116214>

Access Date: 06. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ОБ ОДНОМ СКВОЗНОМ МОТИВЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Корнелия Ичин: *Поэтика изгнания: Овидий и русская поэзия.* Филологический факультет Белградского университета, Белград 2007. ISBN 978-86-96419-35-4

Об Овидии (Publius Ovidius Naso, 43 рр. н. л. Sulmo – asi 17 н. л. Tomis, теперь Constanța в Румынии), как и о других поэтах римской (скорее, чем древнеримской, как пишет автор) литературы, писалось не раз, хотя не в таком комплексном и одновременно сжатом виде. Автор исследования, белградский русист, которая занималась русской поэзией со дней своей студенческой юности (работа о Н. Гумилеве 1993 г.), комментирует в начале предысторию или раннюю историю мотива в русской культуре, находя его истоки в Киево-Могилянской академии XVIII века; справедливо утверждает, что „для русской поэзии творчество Овидия имело большое значение; своим разнообразием оно играло роль ‚проводника‘ русских поэтов в мир античности.“ (с. 7). Автор не игнорирует и легендарные источники, в том числе о гробнице опального поэта в Крыму, о том, что он слагал стихи на сарматском языке, что подвергалось известной польско-украинской модернизации. Автор не упускает из виду и имя Овидия в поэзии Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, разумеется и других чисто русских поэтических корифеев, в том числе В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова, упоминание римского поэта в *Грамматике* Мелетия Смотрицкого; со времен Екатерины II образ Овидия и территория его изгнания с идеологическим намерением связывались с имперскими амбициями России как современного „третьего Рима“. В международных масштабах исследователи занимались причинами ссылки Овидия, его поздней поэзией и т. д. Хотя мотив Овидия встречается у ряда русских поэтов, по мнению автора, лишь у трех тема Овидия и его судьбы является сквозной, стержневой – „это овидиевский код на протяжении всего творческого пути“ (с. 15).

По своему объему раздел о Пушкине самый маленький – лишь 13 страниц, хотя именно у него все с полной силой началось, несмотря на то, что мотив Овидия, кажется, не был разработан с такой сложностью и скрытностью, как у Мандельштама и Бродского. Тем не менее, автор в сжатом виде тщательно проходит овидиевские мотивы в пушкинских посланиях, стихотворениях, в *Цыганах* и в *Евгении Онегине* и в переписке и в разного рода критических заметках, причем не забывает прокомментировать работы некоторых своих предшественников (П. Черняев, Я. Гротт, Д. Якубович, Н. Вулик и др.). Жаль, что автор не упоминает в этом отношении также полубеллетристический-полуисследовательский роман-исследование Юрия Дружни-

Recenze

кова¹, *idée fixe* которого как изгнанника–эмигранта была тема бегства Пушкина из России; в том числе упомянуть, может быть, стоило и книгу чешского русиста-исследователя и переводчика Рудольфа Ржежабка.² В связи с пушкинской рецепцией Овидия и его судьбы изгнанника автор упоминает оценочный сдвиг Пушкина в сторону элегий Овидия (*Tristia, Epistulae ex Ponto*), т.е. его творчество в ссылке, а не его зрелое римское творчество, которое – хотя и частично – стало причиной его печальной участи. После краткого описания и беглого анализа встречаемых овидиевских мотивов, автор подчеркивает тот факт, что „Пушкин именно в годы ссылки осознает свое назначение, посвящает себя изучению памятников старины, осмысляет по-своему овидиевский урок изгнания.“ (с. 30).

Теме Мандельштам и Овидий посвящается свыше 30 страниц. Тема исследуется – кроме стихотворения *Ленинград* и сопоставлений с лермонтовским стихотворением *Выхожу один я на дорогу* и известным стихом с деэпричастием „большевее“ - прежде всего на книгах *Камень* и *Tristia*; тем не менее, автор сравнительно подробно анализирует ряд стихотворений и на ходу старается обобщать и формулировать свою концепцию мандельштамовского восприятия образа Овидия и его судьбы. Эта рецепция сложна и разнообразна: анаграммы с именем Овидия (не уверен, что всегда оправдано), зашифрованная игра с римским императором и Сталиным, попытки политического компромисса и, в конце концов, что, однако, важнее всего, вечность поэтического слова, т.е. надежда на бессмертие художественного творения.

Путь Овидия как своего рода мифической тени (автор посвятила свою работу памяти скончавшегося югославского русиста мировой значимости Миливое Йовановича - *Скорбящей Тени Миливое Йовановича, своего учителя и сотрудника*) в русскую поэзию завершается Иосифом Бродским, в творчестве которого отозвался Овидий и через призму обоих предшествующих поэтов, и в жанре эссе. Первым связал судьбу Бродского и Овидия Александр Кушнер в стихотворении „Заснешь с прикушенной губой“, которое послал поэту в изгнание; для него Овидий – „первый тунейдец“, с прозрачным намеком на „преступление“ Бродского. Бродский потом не раз упоминает имя Овидия, и исследователь „работает“ с этим мотивом. В рамках темы автор выделяет мотивы биографического порядка, отзвуки, свя-

¹ Юрий Дружников: Узник России. По следам неизвестного Пушкина. Роман-исследование. Трилогия. „Голос-Пресс“, Москва 2003. См. также нашу рецензию Metoda Jurije Družnikova (Юрий Дружников: Книги и судьба. Рекомендательный библиографический указатель. Ульяновская областная библиотека для детей и юношества. Библиографический отдел. Ульяновск 2002. Юрий Дружников: Узник России. По следам неизвестного Пушкина. Роман-исследование. Трилогия. „Голос-Пресс“, Москва 2003). Slavica Litteraria, X 7, 2004, с. 156–157.

² R. Režábek: Antická tradice v ruské poezii 11.–17. století. Univerzita Karlova, Praha 1988.

занные с размышлениями о родине-империи, и мотивы, связанные с творчеством и бессмертием поэта. (с. 69). В отдельных группах следуют потом дальнейшие подразделения, т.е. в биографическом разделе уход в изгнание, пейзажная лирика в изгнании, зима и оледенение, жизнь среди чужих, старость и смерть (с. 69). Разумеется, что восприятие снега и льда у северянина Бродского другое, чем у Овидия; его отношение к родине-империи ироническое, он, в сущности, не мечтает о возврате. В итоге автор вновь возвращается к мандельштамовской тоске по культуре и к ироническому освещению мотива у Бродского.

О характере исследования необходимо добавить, что автор придерживается скорее тематического ключа, но, с другой стороны, связывает тематику и цепи мотивов с самой сутью поэзии как таковой, т. е. и с ее идеографической и частично морфологической структурой. Этот тип исследования вполне оправдан и сейчас; даже можно утверждать, что – в период преобладающих спекулятивных контемплаций и постмодернистских игр лишь со слабым аксиологическим оттенком – он представляет собой здоровое возвращение к ядру живого литературного процесса, хотя более глубинное сопряжение мотивов и стихотворения обнаруживается лишь в нескольких местах. Работа характерна тщательным, последовательным аналитизмом, несмотря на некоторые погрешности и опечатки. По следам своего учителя М. Йовановича автор акцентирует исследование источников и текстуальную преемственность. В этом и заключается научная сила и ценность рецензируемой книги.

Иво Поспишил

ROMÁN PETROHRAD ANDREJE BĚLÉHO JAKO VÝRAZ JEHO FILOZOFICKÉ A UMĚLECKÉ KONCEPCE SVĚTA

Vorel, J.: *Astrální próza Andreje Bělého. Román „Petrohrad“ v zrcadle esteticko-filozofických koncepcí symbolizmu.* Spisy Filozofické fakulty Ostravské univerzity. Ostravská univerzita, Ostrava 2007, 302 stran.

Přelom století je vždy okamžikem, kdy se bilancuje minulé a předvídá budoucí, okamžikem vhodným k hodnocení i přehodnocování, také však k návratům k prověřeným hodnotám jako východiskům, „pevnému bodu“.